

ЗАИКИН,

квартирмейстерской части подпоручик

I В № 424

№ 1

ОПИСЬ

делу подпоручика Заикина

	Листы
1. Показание, отобранное от него, Заикина, генерал-адъютантом Левашевым	на 1
2. Вопросные пункты Комитета (о воспитании)	2
3. Ответы на оные Заикина	на 3—4
4. Копия с формулярного списка Заикина	5—6
5. Вопросные пункты Комитета 26 января 1826	7—8
6. Ответы Заикина на оные	9—10
7. План селения Кириасовки с окрестностями	на 11
8. Вопросные пункты Комитета 25 февраля	с 12 по 14
9. Ответы Заикина на оные	15—22
Белые листы	с 23 по 26

Военный советник Вахрушев // (л. 10)

№ 2 (4)

Формулярный список свиты его императорского величества по квартирмейстерской части подпоручика Занкина
1826 года// (л. 10 об. — 11)

Чин, имя, отчество и прозвище, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия?	Сколько от роду лет?	Из какого состояния и, буде из дворян, то не имеет ли крестьян, и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно?	В службу вступил и в оной какими чинами происходил и когда?				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился?			Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить?	Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли?	В домах отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок?	В шрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда?	Холост или женат и имеет ли детей?	Где находится, по чьему повелению и с которого времени?	К повышению достоин или за чем именно не аттестуется?
			Чины	Годы	Месяцы	Числа	Полки и батальоны	Годы	Месяцы							
Николай Федоров сын Занкин	24	Курской губернии, из дворян, за отцом его в Курской губернии 233 души мужеска пола крестьян	Колонновожатым	819	Мар[та]	24	В свиту его величества по квартирмейстерской части			822, марта 13, назначен в Главную квартиру 2 армии, откуда в мае месяце того ж года командирован на съемку Подольской губернии. 823, в ноябре месяце, назначен вторично в Главную квартиру 2 армии	По-русски, по-французски, часть математических наук	Не бывал	Не бывал	Холост	При Главной квартире 2 армии	Достойн
			Прапорщиком	821	Апр[еля]	14										
			Подпоручиком	824	Апр[еля]	6										

Подлинный список подписал: Генерал-майор Селявин

Верно: Начальник отделения Гамзин// (л. 6)

№ 3 (1)¹

№ 176², Квартирмейстерской части поручик Заикин.

Знали вы о тайном обществе и принадлежали ли оному? Я не знал о тайном обществе и еще менее оному принадлежал.

Где вы воспитывались и какое имели знакомство? Начало моего воспитания было дома, кончил же оное в школе колонновожатых у Муравьева. Знакомство мое было с³ товарищами по службе. Короток был я с Бярытинским, Пушкиным, Аврамовым и многими другими, в Главной квартире находящимися. Ни от кого из сих лиц не слышал о тайном обществе, и предложения никогда никакого не получал. Я прошу очной ставки с теми, кои на меня показывают.

Подпоручик Заикин⁴
Генерал-адъютант Левашев // (л. 12)

№ 4 (5)⁵

1826 года, генваря 26 дня, в присутствии высочайше учрежденного Комитета состоящий при Главном штабе 2 армии по квартирмейстерской части поручик *Заикин* спрашиван в пояснение первого его показания.

В данных здесь ответах вы решительно отреклись не только от принадлежности к тайному обществу, но даже и от знания об оном, сознаваясь только, что находились в коротком знакомстве с сослуживцами вашими князем Бярытинским, Пушкиным и Аврамовым.

Сии же лица, равно полковник Пестель, генерал-интендант Юшневский и многие другие, откровенно признаваясь в принадлежности своей к тайному обществу, положительно утверждают, что вы находились в числе сочленов их.

Хотя при столь ясном засвидетельствовании и нет уже нужды в собственном вашем признании, но Комитет, желая доставить вам способ к изъявлению чистосердечного раскаяния, которое одно только может смягчить правосудие или подать некоторое право на снисхождение в доказанной вине, требует от вас искреннего // (л. 12 об.) показания о нижеследующем.

1

Когда, где и кем именно вы были приняты в тайное общество, что побудило вас вступить в оное и кто суть известные вам члены его?

2

В чем заключались цель или намерения сего общества, какими средствами оно надеялось достигнуть ее и кто из членов наиболее стремился к совершению планов общества?

¹ В верху листа помета карандашом: «В креп[ость].»

² Первоначально было: «№ 175».

³ Далее зачеркнуто: «моими».

⁴ Показания подписаны Н. Ф. Заикиным собственноручно.

⁵ В верху листа пометы карандашом: «Читано» и чернилами: «Читано 30 генваря».

Когда, в каких местах полагало общество начать открытые свои действия и что препятствовало доселе в их исполнении?

Во время нахождения Вашего в школе колонновожатых у Муравьева не были ли вам внушаемы новейшие политические мнения о преобразованиях?

Комитету известно, что один из главнейших членов Тульчинской директории князь Барятинский действовал в духе общества через Вас и других свитских офицеров, находящихся при Главном штабе 2 армии. // (л. 13)

Объясните: какие поручения князя Барятинского вы и товарищи ваши исполняли?

Комитету достоверно известно, что тайные бумаги полковника Пестеля, по собственным словам его, врученным им поручику Крюкову 2-му, а сим оставленные в Немирове у майора Мартынова, вы взяли из рук сего последнего и увезли с собою в Тульчин.

Поясните чистосердечно и со всею подробностью, где именно находятся теперь означенные бумаги Пестеля, и опишите наивернейше, в каком месте оные сокрыты, и приложите чертёж и описание одного места.

Отрицание ваше по сему предмету послужит единственно к усугублению вины вашей, многими лицами свидетельствуемой.

К сему присовокупите все то, что вам известно насчет тайных обществ, сверх изложенных здесь вопросов.

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 14)

№ 5 (6)¹

Ответы на заданные мне вопросы

На 1-й. С небольшим год тому назад во время пребывания моего в м. Тульчине я принят в тайное общество адъютантом главнокомандующего 2 армиею Кавалергардского полка поручиком Крюковым, свидетелем же тому был свитский поручик Аврамов². Намерение общества — дать России Конституцию — побудило меня вступить в оное. Известные мне члены суть [господин] полковник Пестель, [господин] генерал-интендант Юшневский (о нем я знаю по слуху, ибо лично с ним я незнаком), князь Барятинский, адъютант господина главнокомандующего 2 армиею, Вятского пехотного полка майор Лорер, Пермского пехотного полка полковник Леман, Кавалергардского полка поручик Крюков, майор Мартынов³ — принят мною в м. Тульчине в мае месяце, штаб-лекарь Вольф³. О полковнике Аврамове я слышал, что он был членом старого общества, но на верное не знаю, ибо я с ним никогда о сем не говорил.

¹ В верху листа помета карандашом: «Читано 30 генваря 1826».

² Слова «поручик Аврамов» подчеркнуты карандашом.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

Свитские поручики Аврамов¹, Бобрищев-Пушкин 1-й, Бобрищев-Пушкин 2-й, Черкасов, Загорецкий и Крюков. Про свитского поручика Лихарева я слышал, но на верное не знаю, о генерал-майоре князе Волконском я знаю по слухам, но сам с ним незнаком. О Муравьеве-Апостоле я знаю по слухам, но никогда его не видал.

На 2-й. Намерение общества состояло в том, чтобы дать России республиканскую Конституцию силою оружия, подробности же всего сего мне неизвестны. Из членов, стремившихся более к совершению планов общества, по слухам, почитаю господина полковника Пестеля, хотя о действиях его вовсе ничего не знаю. // (л. 14 об.).

На 3-й. Слухи носились, что общество начнет свои действия весною, но сие неверно, ибо г[осподин] Пестель в бытность мою у него сказал мне, что он и сам еще не знает. В каких местах полагало общество начать свои действия, мне также неизвестно: слухи носились, однако же, что пришлются несколько рот в м. Тульчин для завладения оным, но верно ли сие, не знаю. Что препятствовало обществу начинать свои действия, не знаю, думаю же, что незрелость его.

На 4-й. Новейшие политические мнения о преобразованиях в бытность мою в школе колонновожатых у Муравьева мне внушаемы не были.

На 5-й. Из всех поручений князя Барятинского, исполненных г. г. свитскими офицерами и мною, мне известны только три.

1) Свитский поручик Крюков был послан к господину Пестелю, но зачем, на верное не знаю, помнится же мне, что для извещения г[осподина] Пестеля о внезапном отъезде начальника штаба Киселева из Тульчина в какое-то место (после оказалось, что в город Таганрог).

2) Через несколько дней после сего я был послан к г[осподину] полковнику Пестелю для извещения его о следующем: о болезни покойного государя императора, о том, что г[осподин] начальник штаба Киселев отправился в г. Таганрог, приказав за собою следовать доктору Шлегелю, что генерал-от-инфантерии господин Сабанеев командования 6 корпусом не принимает и что граф Воронцов, получив какие-то важные бумаги через курьера, отправился тотчас в Таганрог. Господин же полковник Пестель меня просил сказать в м. Тульчине о смерти покойного государя и чтобы все члены вели себя осторожно. В сие то самое время я, отправясь из м. Линцы в м. Немирово, взял у майора Мартынова бумаги господина Пестеля.

3) В отсутствие меня послан был поручик Загорецкий из Тульчина в м. Немирово с известием о смерти покойного государя к господину полковнику Леману, дабы сей последний передал сие господину Пестелю. // (л. 15).

На 6-й. Бумаги г[осподина] Пестеля от г[осподина] майора Мартынова в бытность мою в м. Немирове я точно взял и привез их в село Кирнасовку, место моего жительства, зарыл слишком на 1½ аршина в канаве, находящейся в открытом поле в полуверсте от вышесказанного села. Для отыскания сих бумаг я прилагаю при сем чертеж с означением самого места и описанием дороги, ведущей до оногo.

Говорю истину — все, что только мне известно было, я поместил в сих разных ответах моих на заданные мне вопросы.

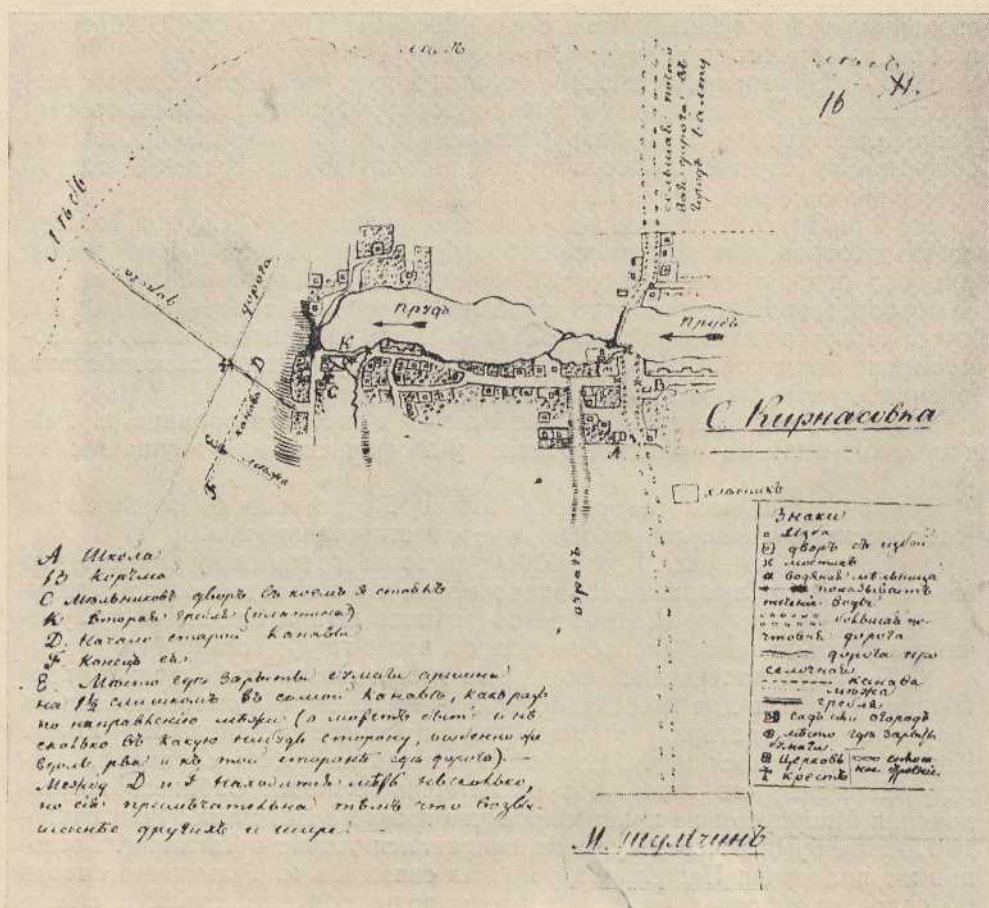
Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части

подпоручик Заикин²

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 16)

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Показания написаны Н. Ф. Заикиным собственноручно.

Описание дороги, ведущей до места, где зарыты бумаги. Въезжая от м. Тульчина в с. Кирнасовку и достигнув корчмы, находящейся на правой стороне дороги (сия корчма означена в чертеже под литерою В), должно повернуть налево и ехать до второй гребли, означенной под литерою К, проехав оную и поверотя налево, ехать мимо мельникова двора (означенного в чертеже под литерою С и находящегося на левой стороне дороги); на расстоянии 30 или 40 сажан от мельникова двора должно повернуть направо и ехать дорогою, восходящею на гору и идущею в лес. От сей дороги, не доезжая сажан 50 или 60 до креста, который будет виден, идет старая канавы (существующая без всякого употребления) в левую сторону под прямым почти углом. В сей самой канаве, на некотором расстоянии от дороги (кажется, около 180 моих шагов) зарыты бумаги как раз или поблизости направления межи, отличающей ся от прочих своею возвышенностью и шириною. При выкапывании должно захватить более места от направления межи в стороны (особенно же к дороге), ибо я зарывал ночью // (л. 17).

1826 года, февраля 25 дня, в присутствии высочайше учрежденного Комитета квартирмейстерской части *подпоручик Заикин* спрашиван в пояснение прежних его показаний.

В данных ответах вы, сознавшись, между прочим, что бумаги полковника Пестеля, оставленные в м. Немирове у майора Мартынова, точно от него взяли и зарыли в землю с лишком на 1½ аршина близ села Кирнасовки, для удобнейшего отыскания коих представили и чертеж местоположению, а потом в присутствии Комитета положительно удостоверили, что означенные бумаги непременно отыщете.

Но, когда посланный отсюда лейб-гвардии Гусарского полка штабс-ротмистр Слепцов приступил к отысканию бумаг сих, то во всех указанных вами местах оных не оказалось, и вы нашлись не в состоянии // (л. 17 об.) исполнить того, что сами вызвались сделать, ибо означенные бумаги найдены уже по указанию брата вашего Пермского пехотного полка подпрапорщика Федора Заикина, который в данных им ответах объясняет следующее:

а) Что бумаги Пестеля зарыты были в землю поручиками Бобрищевыми-Пушкиными 1-м и 2-м ночью в половине декабря 1825.

б) Что в то же время Пушкины привезли с собою еще какие-то на двух полулистах написанные бумаги, которые по получении известия об арестовании Пестеля они, Пушкины, сожгли. // (л. 18).

в) Что 24 декабря 1825 поутру во время небытности вашей в квартире Пушкин 2-й, пригласив его прогуляться за село, указал ему место, где зарыты были бумаги Пестеля.

г) Что в последних числах декабря Пушкин 1-й просил его, Заикина, когда все это успокоится (розыск о тайном обществе) бумаги Пестеля отдать Лачинову или кому-нибудь другому, на которого бы можно было положиться, с тем чтобы оные отдавали по рукам читать для убеждения, что это дело важное.

д) Что, когда он, Федор Заикин, спрашивал вас, что заключают в себе бумаги, привезенные и зарытые Пушкиными, то вы отвечали ему, чтобы вас // (л. 18 об.) не спрашивал, ибо чем меньше будет знать, тем лучше для него и

е) Что, когда Пестель был уже увезен в Петербург, то вы и Пушкины 1-й и 2-й говорили ему, Федору Заикину, что *Пестель намерен был 1 января 1826 года придти в Тульчин и арестовать всех, да и в других местах сделать то же, и ввести в России Республиканское правление.*

Комитет по сим вновь открытым обстоятельствам требует от вас чистосердечных ответов о том:

1

Знал ли майор Мартынов, чьи и какого рода бумаги оставил у него Крюков 2-й? // (л. 19).

2

По словесному ли объявлению вашему или по чьему-нибудь письменному сношению Мартынов вручил вам оные?

3

Кому вы отдали сии бумаги по приезде в Тульчин и кто с каким поручением передал их потом братьям Пушкиным?

¹ В верху листа помета чернилами: «читано 17 марта».

Точно ли сии последние зарывали их в землю, как показывает брат ваш, Федор Заикин?

Что именно побудило вас отвечать перед Комитетом о том, что будто бы вы сами зарыли их и знаете, где найти оные, а после // (л. 19 об.) признались, что неизвестны о месте, в котором зарыты бумаги сии?

От кого, когда и где именно слышали вы о намерении Пестеля придти в Тульчин 1 января 1826 года арестовать там всех и в то же время провозвести возмущение в других местах и ввести в государстве республиканское правление?

Здесь поясните: точно ли Пушкины 1-й и 2-й говорили о сем брату вашему?

В заключение присовокупите с полною откровенностию все то, что вам известно о действиях тайного общества и членов его, сверх изложенных здесь вопросов.

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 20)

№ 8 (9)

Прежде всего я подробно опишу за бумагами мою поездку, заключающую в себе уже многие ответы на данные мне вопросы.

Квартирмейстерской части поручик Крюков, приехав из м. Немирова в самое то время, как я отправлялся к полковнику Пестелю, прощаясь со мною, просил меня заехать из м. Линцы в м. Немирово для взятия бумаг [господина] Пестеля от [господина] майора Мартынова и для удобнейшего получения оных дал мне лоскуток бумажки, на которой собственною рукою [господина] майора Мартынова была написана его фамилия, с тем чтобы по показанию ее майору Мартынову (они так условились) сей последний сказанные бумаги мне выдал. Когда я спросил у поручика Крюкова, какого рода сии бумаги, то он мне сказал, что он сделал такого же рода вопрос полковнику Пестелю и что сей последний отвечал ему, что в полотно зашито его сочинение, которое он просит сохранить, а [в] двух остальных бумагах заключается известие об успехах общества, прибавя, чтобы по прочтении их членами, живущими в м. Тульчине, их как ненужные сожгли; когда же я спросил у поручика Крюкова о виде, в каковом он их у майора Мартынова оставил // (л. 20 об.), то он сказал, что к полотну (в коем сочинение зашито) приложена печать (не помню верно, им ли или кем-нибудь другим), и что он¹, перевязав сей пакет шнурком крестообразно, две сказанные бумаги заложил за оный. Приехав в м. Немирово и остановясь у майора Мартынова, я спросил у него про бумаги, и он отдавая их точно в таком виде, как описывал поручик Крюков, (кажется мне спросил меня о роде сих бумаг, на что я ему и объявил слышанное мною от поручика Крюкова. Зашив потом сии бумаги в подушку, я приехал в м. Тульчин, где нашел и братьев Бобрищевых-Пушкиных; на другой же день мы отправились в с. Кирнасовку. Пушкин 2-й поехал гораздо прежде, а я с Пушкиным 1-м вместе (заметить надобно, что 1)

¹ В подлиннике слово «он» ошибочно повторено дважды.

братья Бобрищевы-Пушкины и я состояли при школе и потом мы жили все в с. Кирнасовке и 2) что со мною квартировал Пушкин 2-ой). Приехав в с. Кирнасовку в тот же самый день, я с Пушкиным 2-м, отложив две бумаги, данные для прочтения, остальные зашили в клеенку и закапывание отложили до вечера. Вечером пришел к нам Бобрищев-Пушкин 1-ый и ночью, когда уже все спали глубоким сном, мы трое, // (л. 21) я и братья Пушкины, зарыли в пол в квартире моей и Бобрищева-Пушкина 2-го (одной и той же). Вскоре, однако же, о сем узнали многие члены, живущие в м. Тульчине, как-то (если не ошибаюсь) штаб-лекарь Вольф, Бяратинский, свитские поручики Черкасов, Крюков и Аврамов.

Когда полковника Пестеля арестовали, то штаб-лекарь Вольф, не зная точно, но, кажется мне, по поручению господина генерал-интенданта Юшневского, увидев Бобрищева-Пушкина 1-го, требовал, чтобы бумаги сожгли. Мы, долго рассуждая, исполнить ли требование Вольфа или нет, ни на что не решались; сжечь же нам не хотелось, ибо общий отзыв об них был весьма хороший, и как каждый притом из нас желал бы их прочесть, то мы и решились бумаги сии сохранить, как хорошее политическое сочинение (если только сие окажется возможным). В исполнение сего бумаги мы оставили в своем месте, а для успокоения некоторых членов, живущих в м. Тульчине, мы распустили слух, что бумаги сожжены. Когда же многие узнали, что они не сожжены, а хранятся в прежнем месте, то мы, увидя невозможность их там // (л. 21 об.) оставить, решились непременно их вырыть и сжечь, или перепрятать в другое место; долго, однако же, не приступали к исполнению, ибо боялись, чтобы нас не захватили за самым делом.

В один день, числа именно какого, не помню, братья Бобрищевы-Пушкины отправились в м. Тульчин, а после обеда поехал я (утром были мои классы, и я ехать вместе с ними не мог и даже не имел намерения ехать в сей день). Бобрищевы-Пушкины, приехав в м. Тульчин и узнав, что опасность беспрестанно увеличивается, решились намерение наше привести в исполнение как можно скорее и для сего в тот же вечер воротились в с. Кирнасовку (я с ними не видался, ибо мы разъехались). В сию-то самую ночь они, братья Бобрищевы-Пушкины, сказанные бумаги и зарыли, слух же о сожжении их мы распустили вновь. На другой день я воротился из м. Тульчина в с. Кирнасовку, и Пушкины рассказывали мне все подробности, как они закапывали.

Как бумаги почитались хранящимися // (л. 22) у меня и, следственно, были на моей ответственности, то я и просил Бобрищева-Пушкина 2-го указать мне их место, Пушкин же 2-ой, изъявляя мне на то свое согласие, что бумаги зарыты на том самом месте, где мы с ним двое прежде назначали (за несколько пред сим дней я и Бобрищев-Пушкин 2-ой ходили и отыскивали место), но я желал видеть самое место и мы однажды перед вечером (какого именно числа не помню) под предлогом прогулки поехали с ним двое; проезжая же мимо, место он указал мне оное, что подтвердит и сам Бобрищев-Пушкин 2-ой. Итак, сознаваясь в целостности бумаг и в знании места, где они были зарыты, я был совершенно уверен, что я их найду тотчас же, но опыт, открывший мне самому противное, показывает, что я назначенное место позабыл.

Две же бумаги, данные для прочтения, я положил на полку между моими книгами, с тем чтобы при первой моей поездке в м. Тульчин их там отдать князю Бяратинскому¹. Бумаги // (л. 22 об.) сии пролежали с неделю времени на полке в совершенном забытии и не были читаны ни мною, ни братьями Бобрищевыми-Пушкиными. В один день, какого именно числа, не помню, только в субботу и в тот самый день,

¹ Слова «их там отдать князю Бяратинскому» подчеркнуты карандашом.

когда нам всем офицерам и юнкерам, живущим в с. Кириасовке, назначено было присягать великому князю Константину Павловичу, Бобринцев-Пушкин 1-ый пришел ко мне утром часу в 10 (Бобринцева-Пушкина 2-го не было дома, ибо он уезжал в м. Тульчин за формою для себя и для своего брата) и разглядывая пол в том месте, где были зарыты бумаги, сказал: «Кажется, ничего неприметно»,— потом, вспомя про две остальные бумаги, спросил, где они лежат, и когда я ему отвечал, что на полке, то он, упрекая меня в неосторожности, сказал: «Я не знал, что вы их бережете, их нужно сжечь, а то еще как-нибудь попадутся», на что я ему и отвечал, что сжечь их невозможно, ибо мне поручено свезти в // (л. 23) м. Тульчин для прочтения, но Бобринцев-Пушкин 1-ый мне отсоветывал сие делать, говоря, что я могу их как-нибудь выронить; после сего он спросил у меня, знаю ли я их содержание, я сказал, что нет (в бытность мою у полковника Пестеля он мне одну из сих бумаг было начал читать, но я был рассеян и, мне кажется, что Пестель это заметил, ибо он, не окончив бумаги, сказал: «Этих самых бумаг копии я отдал свитскому поручику Крюкову с моим сочинением и вы их, взяв у майора Мартынова, отвезете в м. Тульчин, где и прочтете»¹). «Ну, так прочти их,— сказал Пушкин,— и если они стоят того, то отвезешь в Тульчин, а если нет, то сождем их теперь же, а содержание их ты перескажешь». Я прочел их про себя и сказал Пушкину, что бумаги про успехи общества и, мне кажется, неважные. В сие то время я и Бобринцев-Пушкин 1-ый бумаги сии и // (л. 23 об.) сожгли (брата же моего не было дома, я его услад и он не знает; Пестель в сие время еще арестован не был, когда же Пестеля арестовали, то сожжены бумаги другие (о коих я упомяну в своем месте), только верно не знаю, обоими ли братьями Пушкиными или одним каким-нибудь из них, и был ли я при сожжении,— забыто мною совершенно). Приехав в м. Тульчин и увидя князя Барятинского, я сказал ему, что бумаг не привез, а сжег их и причинами тому поставил 1) то, что я нашел их нестоящими везти в Тульчин и 2) что сии бумаги, мне кажется, сочинены Пестелем (мне сие действительно так казалось, ибо во второй бумаге много было фамилий), а про содержание рассказал ему вкратце, что одна бумага об артиллерийских снарядах, а другая— об успехах общества, т. е. о приеме членов.

Относительно бумаг должно заметить, что они обе в роде писем, но не к Пестелю, а к кому-то другому (имя не помню) и содержат в себе несколько фамилий (но ни одной мне знакомой² // (л. 24) не было и оттого я их позабыл). Содержание бумаги первой есть замечание о несправности артиллерийских снарядов и мнение о том, как предложить через какого-то адъютанта его генералу, чтобы их исправить (фамилий же ни генерала, ни адъютанта его не помню). Бумага вторая о приеме членов, т. е. такой-то принят, такой-то уже готов и проч.

На 1-й. В бытность мою у [господина] майора Мартынова, мне кажется, что я ему сказал, что сии бумаги Пестеля и что в полотне зашито сочинение, а в двух остальных извещение об успехах общества; положительно же сказать не могу, ибо не помню. Читал ли майор Мартынов две сказанные бумаги, мне на верное неизвестно (но говорю положительно— он мне сказал, что бумаг он не читал), но я с ним вместе в бытность мою у него не читал. // (л. 24 об.)

На 2-й. Для получения бумаг от [господина] майора Мартынова я привозил к нему лоскуток бумажки, на которой собственно его ру-

¹ Слова П. И. Пестеля подчеркнуты карандашом.

² Восемнадцать строк от слов «в м. Тульчин и увидя...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

кою была написана его фамилия, впрочем, он мне выдал и без показания ее, присовокупя, что он мне верит и так.

На 3-й. Бумаги сии привез я сам с Пушкиным 1-м из Тульчина в с. Кирнасовку, в тот же день Бобрищевы-Пушкины 1-й и 2-ой и я зарыли их в пол, а чрез несколько времени двое Пушкины зарыли их в поле (сие подробно изложено выше).

На 5-й. Г[оспода] полковники Пестель и Леман, майоры Мартынов и Лорер знали только, что бумаги мною взяты от майора Мартынова, не зная, впрочем, передал ли я их кому, или оставил у себя. Итак, при вопросе у них о бумагах они должны были показать на меня, а как притом бумаги в Тульчин и из Тульчина в с. Кирнасовку привезены также мною, то и многие тульчинские члены, сие знавшие и, следственно, почитавшие меня хранящим оные, если бы их спросили о бумагах, // (л. 25) показали бы также на меня; Пушкины же были в стороне, ибо наибольшему числу членов действия их относительно бумаг были вовсе неизвестны. Когда меня спрашивали про бумаги, то мне казалось, что Пушкины в оных не сознались и причиною несознания их я полагал не иначе как то, что они, быв связаны со мною приятию, щадили меня (ибо Пушкины, зная также, как и я, что о бумагах должны спросить прежде меня, может быть, полагали, что я в целости их не сознался). Вследствие-то сего суждения я, желая им сделать добро, принял зарытие бумаг на себя, а их отстранил. Место же бумаг мне было точно известно, но я оное позабыл (сие объяснено подробно в моей поездке).

На 6-й. Свитский поручик Крюков, приехав от Пестеля, сказывал мне, что действия, может быть, начнутся весною (но не на верное), и когда я в бытность мою у Пестеля спросил его о верности сего, то он мне отвечал следующее: «Я сам еще ничего не знаю, может быть, весною, может быть, когда я приду в караул, а, может быть, еще и // (л. 25 об.) долго не начнем, это смотря по обстоятельствам» (про назначение же 1 января я услышал, когда уже Пестель был увезен в Петербург, но от кого я слышал сие, по истине не помню).

Брат мой, Пермского пехотного полка подпрапорщик Заикин обществу никогда не принадлежал и об обществе ни малейшего не имел понятия; я и братья Бобрищевы-Пушкины от него всегда таили, но когда уже Пестель был увезен в Петербург и когда, следственно, общество уже почиталось разрушенным, то, может быть, у меня и вырвалось что-нибудь брату, как домашний секрет, но я и про себя не помню даже, говорил ли я ему про 1 января. О Бобрищевых же Пушкиных действительно не знаю.

Засим я с полною откровенностью изложу все, что только я в разное время слышал относительно тайного общества.

Пестель просил через Пушкина 1-го общество свитских офицеров написать свое мнение об учреждении квартирмейстерской части, но никто из нас не принимался, и все поручили сие Бобрищеву-Пушкину 1-му, сей последний начертал было уже и // (л. 26) план сочинению и, как оно у него медленно подвигалось, то он было и отделил мне статью об способе учения и о предметах, коим учить должно вступающих в квартирмейстерскую и топографическую части, а своему брату другую (какую же именно, не помню). Мы, однако же, за свои статьи и не принимались (ибо Пестеля арестовали). Сии-то бумаги сожгли Пушкины, когда Пестеля арестовали (впрочем, не знаю для чего, ибо они совершенно ничего в себе не содержали).

Почти год тому назад, не помню верно, но, кажется, штаб-лекарь Вольф (и потом Бобрищев-Пушкин 2-ой подтвердил сие) сказывал, что свитский поручик Лихарев принял какого-то статского советника — при-

ителя графа Витта (будто бы сей статский советник заставил себя принять); сего обстоятельства очень испугались, и я слышал, что Бярятинский, дабы сие дело как-нибудь поправить, ездил, с тем чтобы принять через кого-то самого Витта, но Бярятинский мне сказывал, что он его не принял.

Еще я не был в обществе (но я узнал после), как Пестель кому-то из свитских офицеров // (л. 26 об.) (а сей передал другим, и мы все сие узнали) сказал, что Ермолов имеет свое общество и хочет быть царем. Пестель же был им, не знаю за что, всегда недоволен, и я признаюсь откровенно, почитал это за сказку, а оттого и не показал¹.

Почти год тому назад Бярятинский сказал, что он в бытность свою в Москве как-то узнал, что существует общество, от своего знакомого (от члена сего же общества) и что сей последний признался ему, что члены общества ничего не делают. Про это обстоятельство я позабыл совершенно.

Только что я вступил в общество (тому уже слишком год), кто-то из свитских офицеров, говоря про Пестеля, прибавил: «Как он тонок, он всех старших членов Польского общества узнал, а они наших нет», тут-то я по собственному заключению и узнал про Польское общество. Через некоторое время мне кто-то подтвердил сие (кто же именно, не помню). С Пестелем же и Бярятинским никогда мне о сем говорить не удавалось.

После 14 декабря, когда уже фамилии // (л. 27) возмущавшихся в Петербурге были напечатаны, свитскому поручику Аврамову кто-то (кто же именно, не знаю) сказал: «Слава богу, из наших ни одного не было», Аврамов же рассказал сие нам, и мы заключили, что в Петербурге существовало особенное общество.

Когда уже Пестель был увезен в Петербург, то свитский поручик Черкасов сказал мне, что он узнал, что два члена из нашего общества были избраны министрами, и тут-то он, делая свои догадки, кто бы был такой министром иностранных дел, присовокупил: «Должен быть Пестель, ибо он мне один раз сказал, что он сделал две актовые бумаги; одну — с французами, а другую — не помню, с какою-то нациею».

Через несколько времени пронеслись слухи о существовании почты между Пестелем и каким-то другим членом. Кто первый сие выпустил, не знаю, но я помню, что свитский поручик Аврамов² говорил сие на квартире у Черкасова³. // (л. 27 об.)

Квартирмейстерской части подпоручик Заикин⁴

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 7)

№ 9 (2)

Высочайше учрежденный Комитет требует от подпоручика Заикина откровенного показания:

1

Как ваше имя и отчество и сколько от роду лет?

¹ Шесть строк от слов «мы все сие узнали...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Семь строк от слов «Через несколько времени...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Показания написаны Н. Ф. Заикиным собственноручно.

2

Какой веры и каждогодно ли бываете на исповеди и у святого причастия?

3

Присягали ли на верное подданство ныне царствующему государю императору?

4

Где воспитывались? Если в публичном заведении, то в каком именно, когда и куда из оногo были выпущены, а ежели у родителей, то кто именно были ваши учителя и наставники?

5

В каких предметах вы старались наиболее себя усовершенствовать или приготовить? //(л. 7 об.)

6

Не слушали ли вы, сверх того, особых лекций, в каких предметах наук, у кого, когда и где именно?

7

С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли, т. е. от внушения ли других или от чтения книг, и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренялись?

8

Когда вы вступили в службу, где и каким образом продолжали оную и не были ли за что-либо в штрафах или под судом, когда и чем дела были окончены?

Генерал-адъютант Чернышев //(л. 8)

№ 10 (3)

На 1-й. Имя и отчество мое есть Николай Федорович. 23 ноября прошлого 1825 года мне минуло от роду 24 года.

На 2-й. Исповедания греко-российского и у святого причастия бываю ежегодно.

На 3-й. На верное подданство ныне царствующему государю императору присягал.

На 4-й. В 1810 и в 1811 годах я был в пансионе у Дмитрия Филипповича Демсаля в Москве. В начале 1812 года я переведен был в пансион к Ивану Вильямовичу Бордену; вступление французов в Москву заставило меня оставить Москву и удалиться в деревню к моим родителям, где я и жил без учителя до 1815 года, в начале коего я отдан был в пансион к надворному советнику Василию Степановичу Кряжеву; в 1817 году, окончив учение, я из оногo вышел и до 1819 года жил в деревне //(л. 8 об.) у моих родителей без учителя. В 1819 году я определен в корпус колонновожатых, в то время состоявший под начальством господина генерал-майора Муравьева, где и кончилось мое воспитание, но говорю истину, как честному человеку говорить должно, что ни в одном из

сказанных учебных заведений мне ни одного либерального понятия внушаемо не было, и я из оных вышел с душою совершенно чистою и вольнодумством нимало не зараженною.

На 5-й. Род моей службы, а тем более род собственно моих занятий по службе (я состоял при школах) суть причины тому, что я всегда старался себя усовершенствовать в предметах математических.

На 6-й. В бытность мою в пансионе у Кряжева в Москве я слушал // (л. 9) особенные лекции 1) из чистой математики у отставного штабс-капитана артиллерии Григорьева и 2) из физики у магистра Тирюхина (но сие было кратковременно).

На 7-й. Быв выпущен из корпуса колонновожатых, я ни одного либерального мнения не имел, но все понятия такого рода я приобрел уже во 2 армии во время пребывания моего в местечках Немирове и Тульчине. Оные, сколько я заметить мог, породились и приращались несколько от чтения и несколько от бесед. На вопрос, каким образом мнения сего рода в уме моем укоренялись, я отвечать не в состоянии, ибо сознаюсь откровенно, что по молодости лет я себя не наблюдал и, следственно, ни означить точного мгновения появления первой либеральной идеи, ни изложить постепенного в себе развития оных я не могу. // (л. 8 об.).

На 8-й. В марте месяце 1819 года я определился в колонновожатые и 14 апреля 1821 был произведен в прапорщики квартирмейстерской части. В мае месяце 1822 года я откомандирован был из корпуса колонновожатых во 2 армию; тотчас по приезде в оную я послан был на съемку Подольской губернии (в м. Немирово), где и был два лета. В декабре месяце 1823 года я был взят в Главную квартиру и в оной состоял при школе топографов, а в августе месяце прошлого 1825 года до взятия меня в С.-Петербург я состоял при школах топографов и юнкеров. Штрафован и под судом не был. (В бытность мою в корпусе колонновожатых я был, как мальчик, наказан арестом за классы.)

Подпоручик Заикин¹

Генерал-адъютант Чернышев // (л. 28)

№ 11/0

По распоряжению Комитета подпоручик Заикин был посылан с штабс-ротмистром Слепцовым Подольской губернии в селение Кирнасовку для отыскания бумаг полковника Пестеля.

Рапорт штабс-ротмистра Слепцова, при котором представлена Конституция Пестеля — «Русская Правда», находится в деле о Пестеле.

Военный советник Вахрушев // (л. 29)

№ 12/0

Выписка из показаний о подпоручике Заикине

Кто показывает

Содержание

Князь Барятинский

Заикина посылал к Пестелю с известием о болезни государя; Волконскому Заикин сказывал от имени Пестеля, что он (12) вступит в караул 1 генваря и, если тогда будет пора, то арестует Главную квартиру (21).

¹ Показания написаны Н. Ф. Заикиным собственноручно.

Ивашев

Заикин принят после утверждения продолжения общества (1).

Заикин

Был послан к Пестелю с известием о болезни государя, об отъезде Киселева в Таганрог и проч.; проезжая обратно в Тульчин, он взял у *Мартынова* в Немирове бумаги *Пестеля* (5).

Пестель

Бумаги Пестеля зарыл в землю в Кирнасовке (6).

Заикин — член общества (9). // (л. 2)

№ 13/0¹

[О] квартирмейстерской части подпоручику Заикине²

Заикин при первом допросе не только от принадлежности, но и от знания о тайном обществе отказался, но потом, будучи спрошен против сделанных о нем показаний, как о члене, признался, что с небольшим тому год принят он адъютантом главнокомандующего 2 армиию Кавалергардского полка поручиком *Крюковым*, а в мае 1825 года сам принял майора *Мартынова*. Цель сего общества состояла в том, чтоб дать России Республиканскую конституцию силою оружия. О начале действия положительно ему // (л. 2 об.) известно не было, но слух носился, что будет послано несколько рот для завладения м. Тульчиным; время же определено не было. О сношениях общества он не знал и в совещаниях не бывал. *Заикин* был послан от князя *Барятинского* к полковнику *Пестелю* с известием о болезни покойного государя императора и других слухах, а от *Пестеля* получил поручение объявить в м. Тульчине о смерти государя императора, дабы члены общества вели себя осторожно. В сие время *Заикин*, отправляясь из м. Линцы в м. Немирово, взял // (л. 3) у майора *Мартынова* бумаги *Пестеля*, хранил их сначала у себя, но, видя увеличивающуюся для членов опасность, согласился с *Бобрисцевыми-Пушкиными* их зарыть, что было исполнено сими последними, а ему потом указано место, которому он при допросе представил и чертеж.

В последствие сего показания послан был для отыскания бумаг *Пестеля* лейб-гвардии Гусарского полка штабс-ротмистр *Слепцов* вместе с *Заикиным*, но в назначенном от него месте бумаг тех не открыл, а уже нашел их по указанию брата его Пермского пехотного полка подпрапорщика *Федора Заикина*. // (л. 3 об.)

¹ В низу листа пометы чернилами: «№ 31», «Читана 6 июня 1826».

² Ниже на полях помета карандашом: «№ 96».

Подпоручик *Заикин* на вопрос, почему во всех показанных им местах бумаги Пестеля не найдены, отвечал, что он назначенное им самим место позабыл, но, сознавшись при допросе в целостности бумаг и в знании места, где они были зарыты, он совершенно был уверен, что их найдет.

Правитель дел Боровков // (л. 4)

№ 14/0

По делу квартирмейстерской части о подпоручике *Заикине*

Обстоятельства, принадлежащие к силе вины.

1. Заикин был членом тайного общества, в которое принят поручиком Крюковым в конце 1824 года, а сам принял в оное майора Мартынова в мае 1825 года.

2. Ему известна была цель сего общества, состоящая в том, чтобы дать России Республиканскую конституцию силою оружия.

3. Он знал, что к сему обществу принадлежат многие другие члены, от которых принимал разные поручения: князь Барятинский посылал его к Пестелю с известием о болезни покойного государя и о других слухах, а Пестель поручил ему объявить в м. Тульчине о кончине государя и сказать членам общества, чтобы вели себя осторожно.

4. Он хранил у себя Пестелевы бумаги, которые после по согласию его зарыты в землю Бобрищевыми-Пушкиными.

К ослаблению вины

В совещаниях общества не был¹, о сношениях оного и о злодейственном умысле на царубийство не знал.

¹ Далее подчеркнуто: «и».

О СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ
ДЕКАБРИСТА Н. Ф. ЗАЙКИНА

Впервые член Южного общества Николай Федорович Заикин был упомянут на следствии в показаниях Пестеля, данных им в Петербурге 4 января 1826 г.¹ 5 января 1826 г. было решено его арестовать². 14 января 1826 г. он был отправлен из Тульчина в Петербург³, а 22 января 1826 г. уже представлен для снятия предварительного допроса генерал-адъютанту Левашову⁴. Заикин отверг обвинение в принадлежности к Южному обществу (см. документ № 3/1). После допроса он был препровожден в Петропавловскую крепость и посажен в «кронверкской куртине в арестантский покой» № 30⁵.

26 января 1826 г. он был вызван на заседание Следственного комитета, после чего, как обычно, ему были вручены письменные вопросы (см. документ № 4/5). Кроме вопросов, касающихся его приема в тайное общество, Комитет требовал от него сведений о судьбе бумаг П. И. Пестеля (в том числе «Русской Правды»), которые, как стало известно, он взял у А. Мартынова. Ответы его были заслушаны Комитетом 27 января 1826 г. Н. Ф. Заикин объявил, что «Русская Правда» была им зарыта недалеко от села Кириасовки (см. документ № 5/6). Тогда Комитет решил послать его «закованного, под присмотром офицера при надежном фельдъегере или жандарме для отыскания и представления в Комитет упомянутых бумаг»⁶. 30 января 1826 г. Николай I разрешил отправить Н. Ф. Заикина в Кириасовку только в том случае, если он подтвердит, что «сие действительно исполнит».

В тот же день Следственный комитет постановил «по прочтении письменных ответов Заикина на допросные пункты, привести сию резолюцию в исполнение, соображаясь с тем, что он по предмету зарытых бумаг вновь объявит»⁷. Зачитав письменные показания Заикина, «подтвердившего обещание сыскать бумаги Пестеля и представившего в двух экземплярах чертеж местоположения, где оные бумаги зарыты», — в деле находится лишь один экземпляр чертежа (см. документ № 6/7), — Комитет решил послать его в с. Кириасовку⁸. 31 января 1826 г. Заикин был «закован в ручные железа и для препровождения его в Тульчин» сдан штабс-ротмистру Слепцову⁹.

Подробное описание поездки в Кириасовку находится в рапорте Слепцова от 6 февраля 1826 г., помещенном потом в следственном деле Пестеля¹⁰. В Кириасовке Заикин

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 435.

² ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 26, л. 47—47 об.

³ Там же, д. 30, л. 128.

⁴ Там же, л. 129.

⁵ Там же, л. 133.

⁶ Там же, д. 26, л. 108 об.

⁷ Там же, л. 119.

⁸ Там же, л. 120.

⁹ Там же, д. 30, л. 139.

¹⁰ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 127—128

не смог показать место, где была зарыта «Русская Правда». Три попытки раскопать бумаги Пестеля оказались безуспешными. Выяснилось, что они были зарыты не Заикиным, а братьями Бобрищевыми-Пушкиными, сам же он взялся показать местоположение «Русской правды» с их слов. Вспомнив, что Бобрищевы-Пушкины показали место, где были скрыты бумаги, его брату, подпрапорщику Федору Заикину, он послал записку, в которой просил открыть тайну («не упорствуй — писал он, — ибо иначе я погибну») ¹.

С помощью Федора Заикина бумаги были найдены. Вся эта операция была проведена в величайшем секрете. Федор Заикин, например, не знал, что брат его находится в Кириасовке, и думал, что записка была прислана ему из Петербурга. Землекопы не знали, что ищут. Официальный свидетель — земский исправник И. Поповский также не знал, что именно ищут и что нашли («вырыто что-то, — писал он, — закрытое в клеенки темного цвета, испортившиеся в некоторых местах от сырости» ²). 13 февраля 1826 г. Заикин был возвращен в Петропавловскую крепость ³. Тогда же Следственный комитет рассмотрел рапорт штабс-ротмистра Слепцова и решил, не распечатывая бумаги, передать их Николаю I ⁴.

25 февраля 1826 г. Комитет вновь допросил Заикина об обстоятельствах сокрытия бумаг Пестеля. Тогда же ему были вручены по этому поводу «вопросные пункты» (см. документ № 7/8). Ответы на них уточняли прежние показания Заикина (см. документ № 8/9). Они были заслушаны Следственным комитетом 17 марта 1826 г. ⁵

Кроме указанных выше документов, дело Заикина содержит опись документов, формулярный список о службе Заикина, вопросы «о воспитании» и ответы на них, записку военного советника Вахрушева о помещении рапорта штабс-ротмистра Слепцова в дело Пестеля, выписку из показаний декабристов и записку правителя дел Следственного комитета Боровкова о нем, главные пункты его обвинения (см. документы № 1, 2/4, 9/2, 10/3, 11/0, 12/0, 13/0, 14/0). Н. Ф. Заикин был осужден за то, что «участвовал в умысле бунта с принятием поручений от общества и привлечением одного товарища» ⁶. Верховный уголовный суд приговорил Н. Ф. Заикина к лишению чинов и дворянства и к ссылке в Сибирь на поселение бессрочно. Указ 22 августа 1826 г. ограничил срок поселения в Сибирь 20 годами ⁷.

Следственное дело Н. Ф. Заикина хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР в фонде 48 под № 424. Согласно современной нумерации, оно состоит из 29 листов, заполненных текстом, и нескольких чистых листов. На листах дела сохранилась нумерация, проставленная во время его формирования военным советником Вахрушевым. Эта первоначальная нумерация учла в деле 25 листов. Документы № 11/0, 12/0, 13/0, 14/0 попали в дело позднее: Вахрушевым они пронумерованы не были. Листы документов № 13/0, 14/0, 1 были помещены перед л. 1, листы документов № 11/0, 12/0 — между лл. 22—23 нумерации Вахрушева.

* * *

Ниже дан перечень дел Следственного комитета, в которых имеются показания Н. Ф. Заикина по различным вопросам, не вошедшие в состав публикуемого здесь дела № 424:

- 1) Дело № 126, И. Ф. Юрасова, л. 11 (показание от 9 апреля 1826 г.),
- 2) Дело № 425, И. Б. Аврамова, л. 9 (показание от 18 марта 1826 г.),
- 3) Дело № 138, А. Мартынова, л. 11 (показание без даты),
- 4) Дело № 303, «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжбных дел», л. 166 (показание без даты).

¹ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 129.

² Там же.

³ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 30, л. 141а.

⁴ Там же, д. 26, лл. 173—179.

⁵ Там же, л. 272.

⁶ Там же, л. 454, ч. 3, л. 226.

⁷ «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 86.